

18+

Владимир Бреднев

**К СЧАСТЬЮ
В НЕИЗВЕСТНОЕ
БУДУЩЕЕ**

опыты с рифмами

Владимир Бреднев

**К счастью в неизвестное
будущее. опыты с рифмами**

«Издательские решения»

Бреднев В.

К счастью в неизвестное будущее. Опыты с рифмами /
В. Бреднев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983955-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Слушатели опытов с рифмами так или иначе
откликаются на услышанное. Одни все принимают близко к сердцу, другие
стремятся отстраниться и казаться равнодушными. Чтобы узнать, почему одни
проливают слёзы, а для других сказанное не имеет значения, нужно прочитать
все опыты.

ISBN 978-5-44-983955-8

© Бреднев В.
© Издательские решения

Содержание

О блудном сыне	6
Бестолочь	7
Было былое	8
О дорогом	9
В степи	10
Анестезия	11
Pourquoi pas!*	12
До горизонта	13
Баллада о старом доме	14
Побег	16
Дождик	17
Летящие в облаках	18
Ильменский ветер	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

К счастью в неизвестное будущее Опыты с рифмами

Владимир Бреднев

© Владимир Бреднев, 2020

ISBN 978-5-4498-3955-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О блудном сыне

Я был юн. Мне хотелось свободы.
Броды, казалось, знакомы все
на реке, что катила воды жизни
близко и вдалеке.
Поводырь мне не нужен. Без лоцмана
с лощией обойдусь.
Пусть телефон не плещет эмоции,
не будит в эфире ни боль, ни грусть.
По проводам не текут мамины слёзы,
виртуозно точить камень души.
Я выбрался из апофеоза
любви на новые рубежи.
Не звонить, не писать, не откликаться,
упиваясь волюшкой всласть,
падать, карабкаться, подниматься,
только сила моя и власть.
А родители? Что родители?
В цепи отживших одно звено.
Зрители. Просто зрители,
для которых идёт кино
новой жизни. Кипящей чаши,
чаще сладкой, пусть даже яд
в этой чаше вином подкрашен,
всё равно нет пути назад.
Но однажды звезда упала
и сказала: «С отцом уйдём!»
Её гибель и стала началом
возвращения в отчий дом.

Бестолочь

Ничего не пойму
И бегу от сознания счастья.
Я чужаюсь блаженства
неверности вечной весны.
А во сне мне кладут
воронёную сталь на запястья,
и глаза незнакомки моей
холодны и грустны.
Ничего в мире нет.
Он заполнен огнями рекламы.
Остальное всё призрак,
и каждый находит своё.
Я чужаюсь блаженства
ещё не проигранной драмы
и не вижу финала
в не снятом маэстро кино.
Отпускаешь меня почему-то
с глухим безразличьем?
И на нежной щеке
не сверкает алмазом слеза?
Вот несчастье!
А счастье обще и безлично.
Примитивное кредо
не вбитого в стену гвоздя.
Как ни будь велика,
так мгновенна огромная радость,
но извечен и нем
за спиной твой тоскующий взгляд.
Горьким вкусом полыни
наполнена глупая сладость —
в беспросветной ночи
одному возвращаться назад.

Было былое

Очень тихо кралась в лето осень
Желтым садом, инеем, дождём.
И замерзли яхонтами росы
На окне зашторенном моем.
Никому окна не открываю,
Сплю в доме, нетопленном с весны,
И стола гостям не накрываю,
И не вижу розовые сны.

Все смешалось в этом странном мире:
Гул войны, пожар, вороний грай.
Слёзы радости и пляски на могиле,
Ноты арий и собачий лай.
Горлопаны, вставшие из пыли,
Крикнувшие: «Волю подавай!» —
Обещая, плакали и выли,
Рвали глотки, предрекая рай.

Это было. Все, конечно, было.
Была вьюга, и снега мело.
Февралем забытым, хмурым, стылым,
Февралем все было, и прошло.
А потом вернулось неизбежно,
Как проклятье, как жестокий рок.
Бросилось открыто и небрежно
Той же датой, в тот же самый срок.

Жгу листы прочитанные книги
И читаю, чтобы дальше жечь
Помыслы, желанья и интриги,
Рвоту буден, разговоров желчь.
В доме холод, сырость, неуютно,
Дом нетоплен, говорю, с весны.
Осень накатила тучей мутной,
И застыли капельки росы.
Это повторилось, круг свершился,
Чему быть, уже произошло.
Старый мир вандалами крушился,
Чтобы солнце нового взошло.

О дорогом

Жене Елене

В жизнь я только играю
И живу, не тужу,
Даже не представляю,
Как я ей дорожу:
Каждым летним закатом,
Каждой зимней зарёй,
На реке перекатом
И упавшей звездой.
Лесом, полем, долиной,
Где я в детстве бродил.
И зелёной сосёнкой,
Той, что дед посадил.
Как мне дороги дети
И родная семья,
Даже те, с кем на свете
Не сойдусь никогда.
Я гордячке Елене
О любви всё пою,
Когда летом варенье
На запасы варю.
И гуляю с собакой,
Глажу волны озёр,
И, прощаясь у трапа,
Помню тканый ковёр
Тех просторов, где дали
Переходят в леса
И, земли не касаясь,
Рвутся ввысь, в небеса.
Мне играть до забвенья,
Я живу, не тужу,
Просто каждым мгновеньем
Я теперь дорожу.

В степи

Какая синь! Какая глубина!
И солнца жар плывёт над жёлтой степью.
Всё смолкло. Штиль. И жизнь затаена.
Лишь облака ползут нечастой цепью.
Тех крыльев ледяная седина
Земли от зноя не спасает кожу.
Она растрескалась, она обожжена,
Истлела вся до тонкой пыльной дрожи.
Но в пепле обожженного песка
Сверкнёт медянки бронзовое тело,
Кузнечик прыснет с горького куста
Польни от тоски сухой и белой.
Не вынеся кружений степняка,
Из колеи заросшей прянет птица,
И зуммером какого-то жучка
Немая степь на полдень огласится.
Но вдруг замрёт всё, будто смерть вокруг,
И тишина окажется зловещей.
На горизонте темный полукруг
Лилово-синей молнией заблещет.
Поникнут травы, сгинут муравьи,
Нахохлившись, пичуги сядут в гнёздах.
Чернеет небо синее вдали,
Рокочет глухо, яростно и грозно.
Качнётся мятлик, вздрогнет василёк,
Последний ворон вылетит из тучи.
Над головой заплещет ветерок,
И запоёт надрывно и тягуче.
Пройдут секунды. Песенку его
Иерихонские подхватят грубо трубы.
Полмира чернотой заволокло.
Туч шевелятся сумрачные клубы.
Живых гигантов дух неодолим.
Метнулось зарево голубоватым всплеском,
И в тишину в мгновение за ним
Ударило и раскатилось с треском.
Нахлынуло безудержной волной,
Как из ведра, стеной, сплошным потоком,
Бушует в мире ливень проливной,
Живя наотмашь своим кратким сроком.
А к вечеру опять блеснут лучи,
Степь оживёт обильем нот и красок.
И свет луны, как робкий свет свечи,
Пробудит сонмы вымыслов и сказок.

Анестезия

Дайте водки! Я вылечу раны,
Я залью их, пусть больно до слёз.
Утоплю в ней и злость, и обманы,
Флёр мечтаний и сказочных грёз.
Дайте водки! Лекарства от страха,
От соблазнов, проблем, неудач,
От любви, обернувшейся плахой,
От веселья сквозь горестный плач.
Дайте водки! И вот уже мимо
Быт и слава недавних друзей,
И солидности вашей рутина,
И безмолвие наших ночей.
Всё погибнет, как гибнут микробы,
Под тампоном этилом дыша...
Скоро лягут на землю сугробы,
В них замёрзнет хмельная душа.

Pourquoi pas!* **(Картинки челябинского быта)**

Холодный дождь. «Гараж». Суббота.
Берет снимаю со «Столичной»,
И выглядит мой друг отлично,
Хотя его казнит работа.

Холодный дождь. Суббота. Вечер.
Разлит последний грамм «Столичной»,
И друг мой выглядит цинично
И требует поставить свечи.

Суббота. Темень. Дождь холодный.
На грудь легла рука чужая,
И тишина. Не слышно лая.
И я до ласк такой голодный.

Суббота. Ночь. Мечта о лете.
Хороший друг, кабак приличный.
Так почему алкаш типичный
Сейчас лежит в моём кювете?

По ком же нынче тетя Таня
Рыдает громко и открыто?
И отражается «Закрыто»
Нечеткой надписью в стакане.

До горизонта

Что же там, за горизонтом?
За чертой, где синь небес,
Как фатою освящённой
Опускается на лес?
Что же там, за этой далью,
До которой не дойти?
Как бы ни было печально,
Мы всегда на полпути —
То к мечтам, то к нашим целям,
То к любви, то к доброте,
И бегут часы в неделях,
Как струя бежит в воде.
Незаметно, невесомо,
То играя, то кипя,
Мимо рощи, мимо дома,
Мимо занятой тебя.
Мимо всех нас, что на взводе
Отрабатываем день,
Мелко пыжась на народе,
Раздувая дребедень.
Не заметим, у порога
Двое нас. Прости! Прощай!
И последняя дорога,
Без возврата бездны край.
Что осталось? Чей там контур?
И за что сердца сожгли?
Что же там, за горизонтом?
Не успели. Не дошли.

Баллада о старом доме (Картинки челябинского быта)

Дом стоит пятиэтажный,
Старый дом, готов под снос.
Но решается сутяжно
С выселением вопрос.
Оттого в окне мерцает
Старой лампы желтый свет —
Свет горит. Свет отрицает —
В старом доме жизни нет!
Пол прогнил, подвал залитый,
Дверь подъезда снесена,
Стёкол нет. И крыша – сито.
В крупных трещинах стена.
Но ведь кто-то есть на кухне
В двадцать первой, угловой,
Там окно всю ночь не тухнет,
Неужели домовой?
Из комиссии в мундире
Выступает силовик,
Он по лестнице к квартире,
А в квартире спит старик.
– Ты чего тут дремлешь, старый?
Дом под снос. Выходим вон!
Я тут власть. Не надо свары!
Выходи! Вопрос решён.
И старик, кряхтя, хромая,
Взяв на кухне узелок,
Аварийный дом бросает,
Им обоим вышел срок.
А казалось, что недавно
Дед живым пришёл с войны
И домов пятиэтажных
Понастроил полстраны.
Его очень уважали,
Как Отличнику труда,
Тридцать шесть квадратов дали.
В доме газ, тепло, вода.
Здесь росли его детишки,
Трое щупленьких орлят,
Были здесь мячи и книжки.
Жили запахи ребят.
И шинели здесь висели
В шифоньере, строго в ряд,
Здесь года, как сон, летели,

Не упомянуть вех и дат.
В разных скорбных передрягах
Сколь легло у нас дружин?..
Дед тот числился сутягой,
Дед ничей, как перст, один.
Вышел он перед державой,
Не сдержал в руках узла:
В нем три Славы, зубчик ржавый,
Потускневшая Звезда.
Всё легло на мостовую,
Износилось всё дотла.
Будто прожита впустую,
Рядом жизнь его легла.

Побег (Картинки челябинского быта)

Выпускнику ЧГПК №1 Алексею Нимандову.

Из неказистого,
неуютного города
дорога увела в другие веси.
А здесь,
где плешь асфальта распорота
лужей, только плохие вести
стучат в окно, двери и мозг.
Лоск теряешь,
теряешь призвание
и силишься на расстоянии
в отчаянии рассказать,
как ты хорош
в другом городе и другом мироздании.
Прощай, Челябинск!
Не накапаю
капель от сердца,
не выпью водки.
Шмотки сбросаю,
заткну уши ватой
или наушниками смартфона
и побегу до перрона,
чтобы поездом, из ада в миры кочующим,
чующим, где человеку отрадней и лучше,
к лучику света, к душу врачующему
уехать к счастью в неизвестное будущее.

Дождик

Крышу дождик намочил.
Зажурчал, запел ручьём.
Шепчет тихо Гавриил:
Вспомним, друг, зачем живём?

Вспомним, часто ли на звёзды
Любовался ты с женой?
И не часто ли морозы
С треском ходят над рекой?
Над рекой, где ваша лодка
Держит путь, борясь с волной?
И над лодкой, где молодкой
Она пела под луной?

Дождь идёт.
Гремит гроза.
Молний стрелами прошиты
Грозовые облака.

А когда-то мокрой ватой
Чудных скопище зверей
Плыло в небе на закате,
Плыло к родине своей.
Плыло медленно и мудро,
Отражаясь в сини луж,
Обливая перламутром
Беззаботность ваших душ.

Крышу дождик намочил.
Слёзы бросил на стекло.
Дверь закроет Гавриил,
Мы узнаем: всё прошло.

Летящие в облаках

С весёлым трепетом,
Стрепетом бьётся душа.
Не дыша, я лечу за тобой в облака.
Далека и просторна страна,
Сторона, с красным ангелом.
Ангелом в ней бесится шквал.
Малевал их, рисовал и любил Марк Шагал.

Я шагал по дорогам, по тропам, по бездорожью,
То рожью, то в камышах, по песку и камням,
Коням не давал отдохнуть,
Путь прокладывая к отрожью.
Нежу мысли свои и целую тебя, далекую,
Синеокою, чернобровую, круглолицую,
И водицею пью любовь.

Вновь и вновь обретая нить.
Плыть над городом, в небе парить,
Говорить и держать тебя за руку.
За реку убегать или в Париж...
Шалишь, дорогая, шалишь!
Тишь сада осеннего нарушая,
Нагружая корзину обилием урожая,
Чужая, ты встретилась мне,
Словно во сне про ковбоев и прерии
В мистерии исхода Большой империи...

В неверии восьмидесятых, крови девяностых,
Когда на помосты, подмости, империалы
Шакалы сворой полезли.
Лезвием блещущим руша миры, судьбы круша.
Я, не дыша, уговаривал страх
И даже во снах не поднимал кулака,
Лука хребта глядела в улицы и облака,
Алкал богатую цель прицел,
Роптал и радовался: я – цел.
Целый век, сохраняя себя в норе,
Уже о поре, когда снова с разбегу
Смогу броситься в наволок облака,
Я не помышлял никогда.

Да! Мог бы лежать во тьме
В остовах рыб на илистом дне,
Днём, лелея в огнях вечера,
Но вчера ты приснилась мне

В белой чалме...
И опять чуть дыша, трепетала душа,
Кроя в образы темноту,
Немоту, возбуждая струной и вином,
Время думало об одном:
Чем мы были с тобой в былом?

Ильменский ветер

Слышу, как тонко сегодня звенит
воздух, гонимый ветром,
пришедшим с Ильменской горы,
где пилы жужжат, цокают топоры,
где груды сучьев и груды коры.
Там давним летом
померкло солнце. Пламя грозы в зенит.
И ливень бьёт в сосны, ветер крушит
палатки, деревья, людей, детей,
песни и радость заветных дней.
Горек ветер. Память горька,
но многим понятен исход.
Обидно, банально, но жизнь река,
бурлива, тиха, глубока, широка,
сама не знает, куда течёт.
И каждый плывущий не знает тоже,
где ветхий, где крепкий стоит причал,
где берег полог и приятен, как ложе,
а где его нет, лишь обрывы скал.
Где небо прозрачно, закаты алы,
где клубами тучи и льют дожди,
где белое – черным, большое – малым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.